

МАРИНА СЕРОВА

Белая и пушистая

Сериал
"Частный детектив Татьяна Иванова"

Марина С. Серова
Белая и пушистая
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=333622
Белая и пушистая; Любовь с процентами: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-42757-4

Аннотация

Новое расследование частному детективу Татьяне Ивановой необходимо провести в рекордно короткие сроки, ведь речь идет о репутации одной из лучших клиник в городе! Прямо на практических занятиях от отравления сильным ядом скончалась студентка Жанна Стрельцова. Да и родители девушки подгоняют Татьяну, желая во что бы то ни стало найти и наказать убийцу любимой дочери. Подходящий мотив, кажется, лежит на поверхности: Жанну в клинике не любили за одну неприятную особенность – она умела вытягивать из людей некие подробности их жизни и затем использовать деликатную информацию, упиваясь своей властью. Однако все не так просто... Через несколько дней в клинике начинается настоящий переполох: отравлена еще одна студентка!..

Содержание

Пролог	4
Глава 1	20
Глава 2	41
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Марина Серова

Белая и пушистая

Пролог

Слабый лучик солнца осторожно заглянул сквозь неплотно занавешенную штору, робко напоминая о том, что зима подходит к концу и совсем скоро о своих правах активно заявит весна. Жанна любила весну. Она радовала ее слепящим солнцем, звонкой капелью и веселыми ручьями. Ожиданием чего-то нового, свежего и, разумеется, приятного. Жанна невольно зажмурилась, поймав сомкнутыми веками озорной солнечный зайчик, и слегка улыбнулась, сладко потягиваясь в постели. Вылезать из уютного тепла зимой не очень-то хотелось, но сегодняшнее утро начиналось необычно. Все было не так, как зимой – хмурой, серой, тягучей и казавшейся бесконечной.

Жанна сбросила одеяло и легко спрыгнула с кровати. Сделала несколько наклонов и приседаний, с легкой досадой отметив про себя, что за зимний период успела облениться, набрать несколько лишних килограммов и слегка утратить былую гибкость.

«Ничего, за весну приведу себя в порядок, – стоя под прохладными струями душа, думала она. – К лету опять буду

просто конфеткой!»

Негромко напевая, Жанна вышла из ванной и направилась одеваться. Она облачилась в форму и оглядела себя в зеркало. Многие девчонки ворчали из-за того, что им приходится ходить на занятия в форменной одежде, но Жанне она нравилась. Наверное, в первую очередь из-за того, что Жанне она очень шла. Форма придавала девушке немного детский и наивный вид, одновременно делая ее трогательной и соблазнительной. Особенно короткая юбка, которую Жанна, никому не говоря ни слова, еще немного подкоротила. Ноги ее, что и говорить, были красивы, стройны, и было глупо этим не пользоваться. Жанна решила, что может себе позволить открыть их больше, чем это официально регламентировано. Никто вроде бы ничего не заметил, а если и заметил, то промолчал, и Жанна не стала акцентировать на этом свое внимание. Ее больше волновало чужое внимание, направленное на ее открывшиеся ножки...

Жанна быстро приготовила себе кофе, сделала несколько глотков и потянулась к пачке сигарет с ментолом. Пачка была мягкая, и сигарету нужно было выбить оттуда. Однако на этот раз у Жанны что-то ничего не получалось. Она с раздражением заглянула вовнутрь.

«Так, опять девчонки вчера вечером выкурили все мои сигареты! Неужели нельзя курить свои?! Ну, ладно!» – она бросила пачку на стол и недовольно надула губы.

Настроение несколько померкло, но не настолько, чтобы

совсем испортиться. Жанна отодвинула чашку с недопитым кофе и взглянула на часы.

«Вообще-то желательно поторопиться, — отметила она про себя. — Сегодня занятие проводит Лилия, и если я опоздаю, то она обязательно вкатит мне замечание. Нужно было вчера лечь пораньше, а я что-то припозднилась. И Димку еще никак не выгонишь! Вот прилип! Неужели не понятно, что между нами ничего не может быть?»

Жанна подхватила сумку и направилась к двери. Из других, таких же, как у нее, комнат торопливо выходили другие девчонки. Несмотря на разницу в росте и комплекции, все они очень походили друг на друга — в основном, конечно, благодаря одинаковым костюмам.

«Господи, — продолжала свой ворчливый мысленный монолог Жанна, — и когда же кончат мыть полы этой дурацкой хлоркой! Дышать этим каждое утро просто нет уже никаких сил! За те деньги, которые мы платим, могли бы и не мыть этой гадостью».

Здесь Жанну можно было понять — запах был действительно отвратительным, причем это касалось всего учебного корпуса.

— Привет, — услышала Жанна сзади и, обернувшись, увидела Лену Замятину.

— Привет, — секунду помедлив, ответила она и заставила себя улыбнуться.

Жанна просто терпеть не могла Лену, но никогда этого

не показывала. У Лены был очень влиятельный папа, а мало ли что может случиться в жизни. Это было основным правилом Жанны – никогда не выражать открыто своей неприязни. Это она могла позволить себе только мысленно, наедине с собой.

– Кто у нас сегодня подопытный кролик? – поинтересовалась Лена. – Кажется, Светик, да? Светик-Семицветик...

– Нет, – скривив лицо, ответила Жанна. – Сегодня подопытный кролик – я.

Она обреченно вздохнула и объяснила:

– Светка вчера заболела, я и вызвалась вместо нее. У меня же давление часто повышенное... Вот и решила помочь сама себе, а заодно и послужить для науки.

– Вот так тебе повезло! – воскликнула Лена и тут же побежала вперед делиться полученной новостью с подругами.

И Жанне показалось, что однокурсница обрадовалась тому, что сегодня на практических занятиях будут мучить именно Жанну. Впрочем, мучить – это, конечно, перебор. Сегодня предстояло практиковаться всего лишь во взятии крови из вены. Процедура не то чтобы очень приятная, но вполне терпимая, вот Жанна и предложила свою кандидатуру. Тем более что, во-первых, у нее и впрямь часто было повышенное давление, а во-вторых, после взятия крови из вены полагался дополнительный отдых, которым Жанна планировала с удовольствием воспользоваться.

– Жанна, ты на кухню идешь? – обгоняя девушку, на ходу

спросила Марина Гречишина, староста группы.

– Не знаю, что-то неохота, – призналась Жанна.

– Пошли, пошли, – поторопила ее староста, решительно беря под руку. – Тебе же сегодня кровь сдавать, ты что, забыла?

– Ничего я не забыла! – с досадой отмахнулась Жанна от «ботанички» Марины, как называла ее про себя.

– Вот и пойдем, тебе нужно подкрепиться хотя бы молочком! – тоном, в котором зазвучали начальственные нотки, категорично заявила Марина. – А то будешь потом на занятиях носом клевать!

– Ой, да что вы ко мне пристали? – поморщилась Жанна. – Я и сама не маленькая.

– Пойдем, пойдем! – Марина мягко, но решительно увлекла Жанну в сторону молочной кухни.

Туда уже набилось несколько студенток. Они подходили к холодильнику и доставали оттуда маленькие стеклянные бутылочки, наполненные молоком или кефиром. Жанна наблюдала, как девчонки открывают бутылочки и с удовольствием припадают к их горлышкам.

– У младенцев обед отбираете? – усмехнувшись, спросила она и тут же поймала удивленные взгляды некоторых студенток.

– Ты чего это вдруг? – обратилась к ней Инна Корецкая. – Нам же никто не запрещает!

– Знаешь же, что молока и кефира каждый день остается

выше крыши! – поддержала ее Катя Носова, еще одна одногруппница.

– А вы и рады халяве! – продолжала язвить Жанна.

– Ты что, не выпалась, что ли? – пожала плечами Инна, допивая кефир.

– Выпалась, – отрезала Жанна.

– Так, девочки, хватит! – прикрикнула на них Марина, протягивая Жанне бутылку с молоком. – Вот, пей скорее, и пойдемте! Инна, ты сегодня берешь кровь, не забыла?

– Нет, не забыла. – Инна поставила опустевшую бутылку в раковину и вышла с кухни.

– Сейчас она на тебе отыграется! – подмигнув Жанне, засмеялась Катя.

– Пусть только попробует, – под нос себе, так, чтобы никто не слышал, проворчала Жанна и нехотя приложилась к бутылке.

Залпом выпив молоко, она также поставила бутылку в раковину под одобрительным взглядом Марины и двинулась к выходу.

«И с чего это я на них наехала? – удивлялась она самой себе. – И настроение все куда-то улетучилось...»

– Жанна, подойди на минутку, – слышалось сзади.

Она взглянула на часы и, убедившись, что до начала занятий осталось десять минут, прошла в конец коридора.

Занятия начались как обычно. Со смешков студенток и строго-проницательного взгляда Лилии Федоровны – главной медсестры больницы, которая обязательно присутствовала на подобных занятиях.

Клиника Асташова была одной из самых престижных в городе. Здесь мечтали поправить здоровье многие граждане Тарасова, но далеко не все могли себе это позволить. Лечение здесь было платным и довольно ощутимо било по карману среднестатистического жителя города. Правда, таковых здесь было не очень много.

Несколько лет назад рядом с клиникой был открыт учебный центр. Он представлял собой нечто среднее между медучилищем и мединститутотом. Принимались сюда юноши и девушки только после получения аттестата об окончании одиннадцатого класса. Конкурс был большим. Учеба здесь считалась делом очень престижным, что, разумеется, отражалось и на ее оплате: не каждый мог себе позволить получать медицинское образование в этом центре. После окончания учебы очень многие студенты оставались работать в клинике. Условия здесь были отличные, современные, а зарплаты существенно выше среднего: медработники, в отличие от своих коллег на государственных службах, не страдали от отсутствия денег.

Практические занятия были обязательны для всех и никому из учащихся не нравились. Еще бы: кому понравится чувствовать себя в роли пациента, особенно тогда, когда у тебя абсолютно ничего не болит. Но через подобные процедуры должны были пройти все, рано или поздно. Контигент в клинике был богатый и весьма капризный, так что любую процедуру для больных учащиеся должны были уметь исполнять не просто хорошо, а безупречно. Конечно же, всем возможным медицинским исследованиям, которые порой бывали очень неприятными и даже болезненными, студентов не подвергали, но для вполне обычных процедур обходились своими кандидатурами.

Жанна уже не раз была в роли пациентки и совершенно не волновалась. Вены у нее были хорошие, крупные, ход их легко прощупывался, а брать кровь должна была Инна Корецкая, одна из лучших учениц группы, славившаяся своей легкой рукой. Так что Жанна была спокойна. Инна тоже не выказывала признаков тревожности, а остальным и вовсе нечего было бояться.

Жанна сидела возле стола, пока Инна доставала из шкафчика приготовленные заранее инструменты и с сосредоточенным видом раскладывала их. Лилия Федоровна молча наблюдала за происходящим.

Наконец Инна во всеоружии подошла к Жанне и ободряюще улыбнулась. Она присела на стул и быстро обвязала руку Жанны резиновым жгутом, крепко стянув его.

– Работай кулаком! – коротко бросила она однокласснице.

Жанна послушно принялась сжимать и разжимать кисть: она и сама прекрасно знала, что делать. Инна дождалась, пока вена набухла, и ловким движением ввела иглу. Стекланная пробирка начала заполняться темно-красной жидкостью.

– Не больно? – осведомилась тем временем Инна, и Жанна отрицательно мотнула головой.

Вот уже пробирка была заполнена достаточно, и Инна аккуратно выдернула иглу из вены, плотно прижав место прокола смоченной в спирте ватой.

– Зажимай, – снова коротко приказала она, и Жанна согнула руку в локте.

Инна занялась последующими манипуляциями, студентки, успокоенные благополучным окончанием процедуры, перешептывались, Лилия Федоровна подошла к Жанне и протянула ей таблетку и стакан воды.

– Выпей, это витамины, – сказала она.

Жанна послушно проглотила таблетку. Лилия Федоровна отошла, в задумчивости ожидая, когда Инна закончит свои дела.

И тут все увидели, что с Жанной происходит что-то не то. Она согнулась пополам, и из глаз ее брызнули слезы.

– Ты что? – удивленно, но пока без испуга спросила Инна, повернувшись.

Жанна, не отвечая, скрючилась и схватила за живот.

– Пло-хо... – выдавила она.

Студентки встрепнулись, Лилия Федоровна нахмурилась и быстро сделала шаг вперед.

– Что с ней такое? – повернулась она к остальным девушкам. – Она не беременна случайно?

Те растерянно пожимали плечами и переглядывались.

– Жанна, иди ко мне! – повысив голос, сказала Лилия Федоровна, сгребая девушку за плечи, но та не двигалась.

Более того, ей явно становилось все хуже: она начала задыхаться, лицо ее потемнело. Мурашки побежали по коже даже у Лилии Федоровны – главной медсестры больницы, на своем веку повидавшей многое.

Стало понятно, что дело худо. Теперь Жанна уже глухо хрипела. Все с ужасом и в каком-то оцепенении смотрели на происходящее, совершенно не понимая причин случившегося.

Первой пришла в себя Лилия Федоровна. Она тут же выгнала из комнаты половину девчонок, бесполезно стоявших с открытыми ртами, а сама подбежала к Жанне.

– Что? Что ты приняла? – несмотря на свою проснувшуюся активность, она была очень растеряна и напугана не меньше других.

Жанна не отвечала и только продолжала хрипеть, но с каждой секундой все менее и менее звучно.

– Девочки, помогите мне! – наконец начала давать распо-

ряжения Лилия Федоровна. – Оля, быстро беги за Сергеем Юрьевичем, скажи, что очень срочно!

Испуганно стоявшая рядом девушка с короткой стрижкой и расширенными от ужаса глазами тут же исчезла за дверью.

– Так, срочно делаем промывание желудка, – в голосе медсестры слышались металлические нотки.

Она схватила зонд и попыталась хоть немного развернуть Жанну, чтобы получить доступ к ее рту, но это ей не удалось. Жанна все больше скрючивалась и наконец, дернувшись в конвульсиях, затихла. Ее рот уже был свободен и доступен, но, похоже, это уже не имело значения.

– Срочно в операционную! – истошным голосом завопила Лилия Федоровна, поняв, что дыхание у девушки исчезло.

Она попыталась искусственно восстановить работу сердца, но все попытки сделать что-либо не имели успеха. К тому времени, когда в комнату влетел заместитель главного врача клиники Сергей Юрьевич Навицкий, Жанна была мертва...

Замглавврача констатировал это, пощупав у Жанны пульс и осмотрев ее веки. Он попробовал применить электрошок, но все было тщетно. Когда он выпрямился, по его виду все сразу поняли – случилось непоправимое...

Одна из девушек всхлипнула и тут же испуганно затихла – настолько неуместным был этот звук в наступившей тишине.

– Что здесь произошло? – каким-то осипшим голосом спросил Навицкий, оглядывая присутствующих.

– Я ничего не понимаю, – почему-то шепотом ответила

ему Лилия Федоровна. — У нас проводились обычные практические занятия. У Жанны взяли кровь из вены. Все было хорошо, а потом... — она приглушенно всхлипнула и развела руками.

— Где шприц? — деловым тоном спросил Сергей Юрьевич, немного придя в себя.

Все переглянулись, засуетились и бросились к столику, на котором лежала разорванная упаковка от шприца, а также жгут и вата.

— Шприца нет, — растерянно повернулась к Навицкому Лилия Федоровна, разводя руками.

Заместитель главврача нахмурился и сделал шаг вперед.

— Как это нет? — раздраженно переспросил он. — Куда его дели после использования?

Все повернулись к Инне.

— Я... Я не знаю! — прижимая руки к груди, залепетала та. — Я его положила сюда, на столик...

— И что же, он испарился? — строго спросил Навицкий, и Инна вся сжалась под его взглядом.

— Я не знаю! — в отчаянии проговорила она, и из глаз ее хлынули слезы. — Я его положила, собиралась выбросить, а тут Жанне стало плохо, и я про него забыла...

— Кто-то его спрятал, — отважилась высказать предположение Марина Гречишина.

Навицкий резко повернулся в ее сторону, Марина покраснела и приложила руки к груди. Этим она хотела сказать что-

то вроде того, что она не настаивает на этой версии.

– Быстро вызывайте милицию, – властно распорядился Навицкий после небольшой, но тяжелой паузы. – Как бы ни хотелось, чтобы это все не получило огласки, но... у нас нет выбора. Надеюсь все-таки, что это все не специально кто-то проделал. Я пойду доложу начальству.

И, бросив хмурый взгляд на тело Жанны, он резко повернулся и нервно вышел из комнаты, теребя край халата.

В комнате воцарилась мертвая тишина...

* * *

То, что произошло в учебной комнате этим утром, не вписывалось ни в какие ворота... Сергей Юрьевич выбежал в коридор и растерянно огляделся. Необходимо было предупредить главврача клиники, пожилого доктора Константина Владимировича Асташова, и Навицкий поспешил к нему. Кабинет главврача находился недалеко. Пройдя метров двадцать в глубь коридора, Сергей Юрьевич остановился около двери.

«Как бы все это поаккуратнее сказать старику?» – с минуту поразмышлял он и потом решительно открыл дверь.

Директора клиники, профессора Константина Владимировича Асташова, все очень любили и даже жалели из-за его уже довольно преклонного возраста. В последнее время он чисто номинально возглавлял клинику – всеми вопросами

ведали Навицкий и ректор учебного корпуса. Однако старый профессор не мог сидеть дома – это противоречило всем его жизненным установкам, – и каждый день выходил на работу. Должность, которую он занимал, можно было с полным основанием переименовать из директора в почетного директора.

Оказавшись в приемной, Навицкий тут же наткнулся на привставшую при его появлении секретаршу.

– Доброе утро, Рита, – коротко произнес Навицкий, и секретарша заулыбалась.

Однако, поймав мрачный взгляд Навицкого, она сменила выражение лица и немного испуганно спросила:

– Что-то случилось?

– Константин Владимирович у себя? – не отвечая на ее вопрос, деловито спросил Навицкий.

– Да, он в прекрасном настроении! – доверительным шепотом сообщила ему Рита.

– М-да? – несколько растерянно пробормотал Навицкий, направляясь к кабинету. – Жаль, что придется его испортить...

Через минуту Рита услышала какой-то вскрик, а следом из кабинета вылетел Навицкий. Бросившись к телефону внутренней связи, он тотчас вызвал бригаду неотложки в кабинет к директору.

– Это просто черт знает что, – тихо ругался он, пока набирал номер, – здесь только еще одного трупа не хватало!

– Что значит «еще одного»? – побледнев, спросила Рита.

Сергей Юрьевич, однако, не ответил ей. Он уже сделал вызов и, положив трубку, побежал обратно в кабинет. Константин Владимирович все еще был без сознания.

Рита остановилась на пороге и, в ужасе открыв рот и покосившись в сторону беспомощно лежащего главврача, повторила свой вопрос, только уже дрожащим голосом.

– Несколько минут назад на учебных занятиях умерла Жанна Стрельцова, – глухо ответил наконец Навицкий.

– Что?! – глаза Риты округлились, но теперь никакого ужаса в них не было. – И что же с ней случилось? – уже более безразлично спросила она.

– Трудно сказать, милицию уже вызвали. Похоже на отравление. А вот чем – пока непонятно.

Он провел в кабинете еще несколько минут – вскоре сюда прибыла кардиологическая бригада, и он вручил беспомощного Асташова в крепкие руки коллег. После этого он посмотрел на часы и подумал, что как раз наступило время для того, чтобы подъехала милиция.

Он оказался абсолютно прав. Едва он вышел в коридор, как сразу почувствовал признаки оживления в клинике. Коридор заполнился бесцеремонными крепкими людьми в форме и без нее. Создалась необычайная суeta.

Командовал всем низенький капитан с огромными усами и абсолютно бесцветными глазами. Таким же бесцветным голосом он опрашивал Лилию Федоровну и беспрерыв-

но всхлипывающих Инну и Марину. Они считали себя причастными к смерти Жанны – одна потому, что проводила злосчастную процедуру взятия крови, другая – по причине того, что была старостой группы, – и теперь находились в состоянии шока. Добиться от них чего-либо более вразумительного, чем истеричные вздохи, не удалось ни низенькому, хмурому капитану, ни его более обаятельным коллегам.

Потом на место происшествия прибыли криминалисты, и в небольшой учебной комнате стало совсем тесно.

– Смерть наступила примерно минут сорок назад, – слышался бесстрастный голос эксперта. – Предположительная причина – отравление. Остальное будет ясно после вскрытия и анализов.

Выдав эту фразу, он хмуро еще раз взглянул на труп, посмотрел на часы, вздохнул и произнес:

– Можете увозить.

Девушку накрыли простыней и, положив тело на носилки, тут же унесли.

Усатый капитан вздохнул. Понедельник начинался ужасно...

Глава 1

Я пребывала просто в чудеснейшем настроении. На улице вовсю светило солнышко, с каждым днем становилось все теплее, и было совершенно ясно, что весна входит в свои права.

«Скоро все зацветет, – мечтала я, сидя на подоконнике и поглядывая в окно на стремительные потоки ручьев. – Можно будет скинуть надоевшее пальто и тяжелые сапоги, облачиться в открытые туфельки на каблучке... А там – сарафанчики, шортики, Волга, пляж...»

Можно даже выехать куда-нибудь на море отдохнуть. Но не сейчас, а попозже: все-таки для открытия курортного сезона было еще рановато. А ехать за границу мне что-то в этом году не хотелось. Можно и у нас отлично провести лето.

Я улыбнулась, с наслаждением подставив лицо солнечным лучам и ощущая, как ласковое тепло растекается по всему телу. Повернула голову вправо-влево, чтобы солнце охватило лицо со всех сторон...

Идиллию прервал телефонный звонок. С легкой досадой я соскочила с подоконника и взяла трубку. И тут же услышала встревоженный женский голос.

– Могу я поговорить с Ивановой Татьяной? – торопливо спросила звонившая.

– Да, вы ее уже слышите, – ответила я.

– Я не буду отнимать у вас много времени, – как-то нервно, стараясь скрыть волнение, начала женщина. – Обратиться к вам мне посоветовал один знакомый... Но говорить по телефону мне бы не хотелось. Так что...

– Вы можете приехать ко мне домой, – пожав плечами, предложила я. – Вы знаете мой адрес?

– Да, но... – как-то неуверенно проговорила женщина. – Это будет удобно?

– А что же здесь неудобного? – удивилась я. – Обычно все мои потенциальные клиенты так и делают.

– Хорошо, тогда я буду у вас примерно минут через двадцать. – женщина, кажется, успокоилась.

– Я вас жду, – коротко ответила я и положила трубку, попутно отметив, что женщина так и не представилась.

Через двадцать минут раздался звонок домофона, и я пошла открывать.

– Это я, – послышался уже знакомый мне голос, и через пару минут женщина входила в мою квартиру.

Она была еще довольно молода – не больше сорока – и держалась очень интеллигентно, хоть и несколько неуверенно. На ней было надето длинное, с широкими фалдами, мягкое пальто абрикосового цвета и изящная кремовая шляпка, из-под которой спускались светлые локоны. Руки облегли узкие кожаные перчатки, на ногах – белые сапожки на остром каблучке. Все вещи были явно дорогими, но... Не очень современными. Я отметила, что пальто и шляпы по-

добного фасона были на пике моды несколько лет назад, сейчас же их время ушло и выглядели они хоть и очень элегантно, но несколько нелепо. Это были вещи другой эпохи.

– Здравствуйте, – теребя кончик розового шейного платка, поздоровалась женщина. – Это я вам звонила. Меня зовут Ангелина Николаевна, фамилия Стрельцова...

– Добрый день, – ободряюще улыбнулась я. – Давайте пройдем в комнату.

Ангелина Николаевна сняла пальто и сапожки и проследовала за мной в комнату, где присела на край дивана. Что-то мучило ее, заставляло нервничать, она никак не могла начать разговор.

– Так что вы хотели мне сказать, Ангелина Николаевна? – поторопила я ее.

– Вообще-то меня все называют просто Линой, я думаю, по отчеству – это будет слишком солидно...

Стрельцова как-то виновато повела плечами.

– Так что можете звать меня тоже просто Линой, – наконец закончила она фразу.

– Отлично, – согласилась я. – Мое имя вам известно.

Я умолкла, давая возможность Ангелине начать разговор, но та молчала и, похоже, вообще ушла в себя. Я улыбнулась еще шире и предложила:

– Хотите кофе?

– Нет, – поспешила она отказаться, но тут же воскликнула: – То есть да... Если можно, конечно.

– Конечно, можно, раз предлагаю, – усмехнулась я на ходу, направляясь на кухню.

Пока кофе готовился, я расставляла чашки и нехитрые сладости, ведя при этом непринужденную болтовню. Нужно же было расшевелить эту Ангелину Николаевну, а то она этак будет мямлить до вечера, а сути дела я так и не узнаю.

Наконец мы уселись, гостя поднесла к губам чашку с горячим кофе и благодарно кивнула мне.

– Вы меня простите, пожалуйста, – отпивая кофе малюсенькими глотками, заговорила она. – Я веду себя несколько... заторможенно, но это потому, что у меня такое горе. Такое горе! – повторила она и, не выдержав, тихо расплакалась, отставив чашку и закрыв глаза руками.

Я прошла к бару, достала оттуда бутылку коньяка и, вернувшись к столу, вопросительно посмотрела на Ангелину.

– Давайте, – чуть поколебавшись, шепнула она. – А то я совсем не смогу сосредоточиться...

Я плеснула ей коньяку в кофе, Ангелина сделала несколько глотков и, промокнув глаза тонким платком, заговорила, сцепив белые пальцы.

– У меня умерла дочь... – произнесла она каким-то ровным, будничным голосом, и я вздрогнула от неожиданности.

Ангелина сидела ровно, не шевелясь, напоминая своим видом застывшую скульптуру.

– Как это произошло? – осторожно спросила я, выдержав паузу.

Ангелина набрала воздуха и, выдохнув его, начала говорить:

– Я сама ничего толком не знаю. Мне сообщили об этом сегодня утром, – она замолчала на минутку и глубоко вздохнула. – Она умерла прямо на занятиях. Отравилась...

– Подождите, – мягко перебила ее я, – давайте все сначала. Где все это произошло?

– Да, да, конечно. – Ангелина сделала большой глоток кофе и, похоже, немного успокоилась.

Потом последовал более-менее связный рассказ о том, что произошло с ее дочерью.

– Вы, наверное, слышали о клинике Асташова? – спросила она.

– Да, конечно, – кивнула я. – Элитная клиника, очень известная в городе.

– Так вот, там не так давно открылось собственное учебное заведение. Его можно было бы назвать и мединститутом, но группы там гораздо меньше. Моя дочь Жанна училась на втором курсе. Ей было всего восемнадцать лет...

Голос Ангелины дрогнул.

– Обучение там платное? – спросила я.

– Да, почти для всех. Ну, может быть, пара-тройка студентов учится бесплатно, потому что они отличники. Но моя Жанна училась платно. И вот сегодня у них были очередные практические занятия. Такие занятия проходят у них постоянно. Студенты практикуются друг на друге. Ну, к примеру,

берут кровь из пальца, из вены, делают уколы – обычно витамины... Мне всегда это не нравилось. Но разве к мнению родителей кто-нибудь прислушивается? – Ангелина снова вздохнула и отпила из чашки. – Но в этот раз все получилось просто ужасно! У нее брали кровь из вены, и после этого ей стало плохо. А когда ее попытались привести в чувство, оказалось, что она уже мертва. Эксперты сказали, что она отравлена.

– А что говорит милиция?

Ангелина горько усмехнулась.

– Они намекают... Нет, даже не намекают, а прямо-таки давят на то, что это было самоубийство. Но это абсурд! С какой стати моей дочери заканчивать жизнь самоубийством? У нее все было хорошо, она была такая жизнерадостная девочка, оптимистичная, активная! У нее были грандиозные планы! Она обожала жизнь! А милиции лишь бы спихнуть с себя лишние хлопоты!

Ангелина зарыдала и закрыла лицо руками. Я невольно передернулась. Горе матери всегда тяжело наблюдать. Прошло, наверное, еще минут десять, прежде чем Стрельцова снова заговорила.

– В клинике все несут какую-то чушь, говорят, что это нелепая случайность! Бред! Быть такого не может! Я не верю в такие ужасные случайности! В клинике, понятное дело, все заботятся только о репутации заведения, до моей дочери никому нет дела! – от возмущения у Ангелины Николаевны

даже высохли слезы. – Абсурд!

– А что за яд и где он находился? – поинтересовалась я.

– Этого пока никто не может сказать, – развела руками Ангелина. – Точно будет ясно после вскрытия. А насчет того, где находился, тоже непонятно! Во-первых, у нее брали кровь на занятиях, я вам уже говорила. Дело в том, что у Жанны повышенное артериальное давление, а подобные процедуры помогают его снизить. Вот она и соглашалась порой, чтобы студентки брали у нее кровь, учились на практике... К тому же ей после этого дали какую-то таблетку... По словам педагогов, безобидную витаминку, чтобы поддержать тонус. Да, и еще... Перед занятиями они все побежали на молочную кухню, там как раз привезли бутылочки с молоком.

– На какую кухню? – заинтересовалась я.

– Ну, при клинике есть молочная кухня. Там же еще и родильное отделение, в одном из корпусов. И молоко поставляют каждое утро. Молока обычно много, остается лишнее, вот студенты и повадились по утрам пить из этих бутылочек. Это не возбраняется.

– Так что же, по-вашему, яд был в бутылочке с молоком? – недоуменно спросила я.

– Ах, да ничего я не знаю! – прижав руки к груди, воскликнула Ангелина, едва сдерживая слезы. – У меня голова кругом идет! Я просто рассказываю вам все, что мне известно!

– Хорошо, хорошо, извините, – примиряюще подняла я руки. – Значит, с ядом пока что эксперты не определились... А вы что же, значит, считаете, что Жанну убили?

Ангелина бросила на меня испуганный взгляд.

– Убили? – переспросила она и тут же затрясла головой. – Нет, я этого не говорила! Я просто хочу разобраться! Честно говоря, я думаю, что это все из-за халатности врачей! Или процедура взятия крови проводилась с какими-то нарушениями, или молоко не проверили на пригодность, или в этой самой таблетке что-то было не так! Может быть, ее перепутали и вместо нее подсунули таблетку с ядом? Это же клиника, там какие угодно препараты бывают, и яды в том числе! А может быть, у Жанночки аллергия на данный препарат? Никто же не проверял!

– Подождите, Ангелина, давайте последовательно разбираться, – предложила я. – Думаю, что версию о неправильно проведенной процедуре взятия крови стоит откинуть, если речь идет об отравлении, так?

Ангелина наморщила лоб.

– Ну, наверное, – не очень уверенно кивнула она. – Хотя проверить стоит и это! И вообще все!

– Тут вы абсолютно правы, – спокойно кивнула я и продолжила: – А вот с версией об убийстве все тоже не столь однозначно, и отбрасывать ее не следует. Скажите, у вашей дочери были враги?

Тонкие брови Ангелины взлетели вверх.

– Враги? – с каким-то даже ужасом переспросила она. – Ну что вы! Она была такая веселая девочка, такая доброжелательная! Откуда у нее враги? Даже если ей кто-то завидовал, то это не повод, чтобы убивать! Для убийства нужны серьезные основания!

– А что, ей кто-то завидовал? – быстро спросила я.

– Нет, но... Я просто предполагаю, – принялась оправдываться Ангелина. – Она девочка очень яркая, видная, красивая, училась хорошо, многим нравилась. Разумеется, она могла вызывать зависть у менее удачливых девчонок. Сами знаете, какими мы бываем в юности. Хочется быть самыми-самыми, а не всегда получается...

Она вздохнула.

– Но ни на кого я грешить не хочу, – махнула она рукой. – Фактов у меня нет, конкретных имен тоже, просто я пытаюсь рассуждать. И все-таки я склонна думать, что это не убийство, а халатность персонала клиники. У Жанны все знакомые были сверстники, из приличных семей... Какое может быть убийство?

Я не стала говорить, на что порой бывают способны подростки даже из приличных семей, а только задумалась. Конечно, для того чтобы выяснить все обстоятельства этой необычной смерти, надо посетить клинику. Но вот только я сомневалась, что у меня это получится. Вернее, попасть-то туда можно, но вот станут ли со мной разговаривать? Ангелина, конечно, права в том, что руководству совершенно не

захочется выносить сор из избы. Наверняка они постараются замаять это дело и по максимуму избежать огласки. Согласят-ся ли беседовать с частным детективом, не имеющим официальных полномочий? И как бы их заинтересовать в том, чтобы установить истину? Это возможно, лишь если никто из клиники и в самом деле не виноват в том, что произошло с Жанной Стрельцовой, а уверенности в этом у меня не было.

Признаться, я пребывала в сомнениях. Мне очень хотелось помочь несчастной Ангелине Николаевне, да и само дело вызывало интерес, но вот возможности... Есть ли они?

Ангелина Николаевна тем временем наклонилась ко мне и жалобно спросила:

– Так вы мне поможете? Я вам обязательно заплачу сколько следует.

– Понимаете, Лина... – задумчиво принялась объяснять я. – Ведь мне нужно будет не просто побеседовать с сотрудниками клиники и студентами, но и осмотреть все помещение... Во-первых, у меня нет гарантии, что я получу правдивые показания, а во-вторых, рыться в клинике мне могут и не позволить. Я же частный детектив, а не следователь прокуратуры. И даже не оперуполномоченный убийного отдела.

– Насчет того, что вам будут чинить препятствия в расследовании, не беспокойтесь, – неожиданно заявила Ангелина, и я подняла на нее удивленный взгляд.

– Дело в том, – проговорила Стрельцова, – что я уже поставила руководство клиники перед фактом, что обязатель-

но найму частного сыщика. Я не оставляю это дело просто так. Жанну, конечно, не вернешь, но тот, кто виноват в ее смерти, должен быть наказан. Нужно нести ответственность за свою халатность.

Сейчас Ангелина словно преобразилась. Из мягкотелой и слабой интеллигентки она превратилась в твердую в своих намерениях деловую женщину. Даже голос ее стал другим: Ангелина произносила фразы четко, коротко и холодно, с металлическими интонациями. Передо мной сидела мать, готовая на все ради восстановления справедливости в отношении своего ребенка, пусть даже посмертной.

– И что же, они согласились с вашими условиями? – стараясь не выказать своего удивления, осторожно спросила я.

– Согласились, – кивнула Ангелина. – И даже обещали содействовать «моему» человеку. Так что вам ни о чем не надо беспокоиться.

– А вы, оказывается, сильная женщина, Ангелина, – улыбнулась я.

– Не стану скрывать: это не совсем моя заслуга, – улыбнулась она в ответ, возвращаясь к своему привычному тону. – Мне пришлось обратиться за помощью к отцу Жанны. Правда, мне совершенно не хотелось этого делать, но когда речь идет о смерти дочери, забудешь о ложной гордости и принципах.

– А что, кстати, представляет собой отец вашей дочери? – спросила я. – И в каких вы с ним отношениях? Поверьте,

Ангелина, я не из любопытства спрашиваю, — пояснила я. — Если я начну заниматься делом вашей дочери, мне нужно знать все подробности.

— Я понимаю, — сказала Стрельцова. — Я вам все расскажу, хотя мне и неприятна эта тема.

Она нахмурилась и отвела в сторону глаза. Руки ее сами нашли концы шейного платочка и принялись перебирать их.

— Поженились мы с Романом совсем молодыми, — наконец заговорила она. — На третьем курсе института. Мы вместе учились в экономическом. Вскоре родилась Жанночка, и мне пришлось оставить учебу — не хватало ни времени, ни сил. Мы тогда жили в старом домике с частичными удобствами, доставшемся мне от бабушки, было тяжело... Я надеялась, что восстановлюсь в вузе, когда Жанночка подрастет, но, увы... — она вздохнула и развела руками. — Роман как-то быстро после окончания учебы пошел в гору. Добился успеха, открыл свой бизнес... Мы выбрались из этого дома, купили хорошую квартиру... Заметьте, это все в трудные девяностые годы, когда многие начинающие бизнесмены не просто прогорали, а разорялись! Да, у него определенно был талант экономиста, он умел делать деньги буквально из ничего. В совокупности со смелостью и способностью к риску это давало отличные результаты. А я... Я сидела дома и тихо радовалась. Роман сам настаивал, чтобы я не работала, а занималась только домом и дочерью. Думаю, что я бы никогда и не сравнилась с ним в профессиональном плане, даже если

бы закончила институт...

Ангелина грустно улыбнулась и вздохнула.

– Одним словом, я занималась хозяйством, Роман пропал на работе, и все было прекрасно. Даже если случались трудности, он умел их решать. Я ни о чем не беспокоилась, все было на плечах Романа. С ним было не то что как за каменной стеной, а как за гранитной. Единственное, что омрачало нашу жизнь – по крайней мере, его жизнь, – уточнила она, – это то, что у нас не было больше детей. У меня вообще слабое здоровье, с детства больные почки, приходилось часто лечиться, ездить в санатории... Роман сам организовывал эти поездки, дважды в год клал меня в клинику, чтобы подлечиться, но врачи были категоричны: детей иметь больше нельзя. Признаться, я и не страдала из-за этого: мне вполне хватало Жанночки. Она росла такой красивой, смышленной не по годам, настоящая принцесса! А вот Роман, оказывается, хотел еще детей... Но я не думала тогда, что это так серьезно, не придавала значения. И, как оказалось, зря...

Последнюю фразу Ангелина произнесла медленно и повернулась к окну, замолчав. Я поняла, что сейчас пойдет рассказ о самой неприятной странице ее жизни.

– Одним словом, у Романа появилась любовница, – сглотнув слюну, выговорила она, не поворачиваясь. – Я долгое время ни о чем не догадывалась, мне казалось, что у нас все хорошо... Правда, через некоторое время я стала замечать кое-какие нюансы. Ну, он стал чаще задерживаться. Купил

еще один сотовый телефон – сказал, специально для деловых звонков. Но, говоря по нему, выходил из комнаты. Стал больше внимания уделять своей внешности, накупил новой одежды. Хотя он и раньше придавал внешнему виду большое значение, всегда следил за собой. Словом, стандартный набор улик, – невесело усмехнулась Ангелина и продолжила: – Но главное – внутренние изменения. Он отдалился от меня, я реально ощущала это. Он был не со мной. И интимная близость между нами практически сошла на нет. Я и раньше-то не была особо горячей, к тому же часто болела, а тут уже сама была рада проявить инициативу, но Роман всегда под каким-нибудь предлогом уклонялся. Я подозревала, мучилась неизвестностью, но не решалась завести прямой разговор. Видимо, в душе я чувствовала, что он может уйти, и подсознательно боялась этого. И Роман решился сам...

Ангелина прервала свою речь и замолчала, вертя тоненькое золотое колечко с миниатюрным брильянтом на безымянном пальце левой руки. На губах ее блуждала непонятная улыбка, в которой отражалась горечь воспоминаний. Я не торопила ее, понимая, что женщина сейчас просто делится со мной своими переживаниями, боль от которых, как я была убеждена, так и не покинула ее до конца.

– Роман вообще человек прямой и конкретный, он не любит ходить вокруг да около, – со вздохом поведала Лина, оставив наконец колечко в покое. – Я тогда думала, что он молчит, потому что не хочет причинять мне боль. Потом я

поняла, что он просто все взвешивал. Он должен был удостоверить, что не меняет шило на мыло.

И, видя мой непонимающий взгляд, пояснила:

– Ему было важно знать, что та женщина настроена на прочную семью, в которой будет много детей. Что она не прельщается его деньгами, чтобы впоследствии тратить их на салоны красоты и модные тряпки.

– И что же? – осторожно спросила я. – Он не ошибся?

– Пока не знаю, – усмехнулась Ангелина. – У них пока что только один ребенок, родился два года назад...

– Значит, он все-таки женился на ней? – уточнила я.

Ангелина подтвердила это молчаливым кивком.

– И кто же стал его избранницей?

– Одна его сотрудница, каким бы банальным и пошлым это ни выглядело, – тоскливо произнесла Ангелина. – Молодая совсем девушка, старше Жанны всего на пять лет. Молодая, да ранняя, – снова усмехнулась она. – Училась тоже в экономическом, правда, на заочном, и пришла устраиваться к нему в фирму на работу. Роман как-то проговорился, что взял ее безо всяких далеко идущих плаков, просто она понравилась ему своим подходом к делу и организованностью.

– Как ее зовут? – поинтересовалась я.

– Виктория, – неохотно сообщила Ангелина, которой, видимо, неприятно было даже произносить имя вошедшей в ее размеренную и стабильную жизнь разлучницы.

– А чем она занимается сейчас?

– Сразу вскоре после того, как забеременела, она ушла с работы. На этом настоял Роман. И больше не возвращалась на фирму. Она даже институт не закончила. Знаете, – с доверительной грустью добавила Ангелина, – я думаю, что история может повториться.

– Вы о чем? – не поняла я.

– Ну, я же тоже занялась исключительно домашними делами после рождения Жанны, – пояснила Стрельцова. – И учебу забросила. Если Виктория повторит мою ошибку, в один совсем не прекрасный момент она может остаться с ребенком на руках без средств к существованию: Роман просто найдет ей новую замену, как это произошло со мной.

– Мне кажется, вы просто ревнуете, – стараясь говорить как можно мягче, заметила я.

– Нет, – покачала головой Ангелина. – Ведь дело тут не в том, что он разлюбил меня и полюбил другую, которая оказалась лучше. Я успела убедиться, что он относится к нам, женщинам, очень потребительски. То есть мы нужны для того, чтобы сидеть дома, воспитывать детей и обеспечивать ему безупречный быт. Это своего рода условие договора – я же говорила, он от природы деловой человек, до мозга костей. И Виктория просто сумела убедить его, что выполнит эти условия. А я, как оказалось, нет. Вот так он легко и вычеркнул нас с Жанной из своей жизни. Мы уже использованный материал, мы ему неинтересны. С такой же легкостью он вычеркнет и Викторию, если она перестанет удовлетворять его

требованиям.

– Я все-таки думаю, что вы преувеличиваете, – призналась я. – Ведь ваш бывший муж уже, простите, не мальчик, чтобы менять жен направо-налево.

– Я пыталась объяснить ей это, – не слушая меня, сказала Ангелина. – Но она, конечно, не восприняла мои слова всерьез. Решила, что я просто ревную и хочу вернуть мужа обратно – вот как вы сейчас.

– Я совсем не хотела вас обидеть... – начала я, но Ангелина успокаивающе махнула рукой.

– Не стоит извиняться. Для того, чтобы убедиться в моей правоте, нужно хорошо знать Романа. Дай бог, чтобы Виктории не пришлось остаться у разбитого корыта.

– Но даже если он с ней разведется, наверное, он не оставит ее без средств к существованию? – предположила я.

– Наверное, – пожала плечами Ангелина. – Но это совсем не та степень обеспеченности, к которой она привыкла. Мне тоже пришлось с этим столкнуться. После развода я попыталась устроиться на работу, но это оказалось очень проблематично: ведь у меня толком нет ни образования, ни стажа... Пыталась давать частные уроки музыки – я в детстве занималась в музыкальной школе, до сих пор хорошо играю, – но они не приносили большого дохода. Кому сейчас это нужно?

– На что же вы жили? – удивленно полюбопытствовала я. – И даже умудрялись оплачивать учебу Жанны?

– Пришлось обратиться к Роману, – развела руками

Стрельцова. – Хотя поначалу мне мешала гордость, но голод не тетка, я быстро это поняла... Знаете, он был даже рад: ведь помогая нам материально, он как бы выполнял свой долг по воспитанию Жанны. Ну, это он так рассудил. И это избавляло его от необходимости видаться с ней и участвовать в ее жизни. Он играл роль заботливого отца, на самом деле живя так, как ему удобно.

– Вы считаете, что он не любил Жанну? – удивилась я.

– Я даже не знаю, знакомо ли ему вообще это чувство, – с горечью призналась Ангелина. – Он – машина, схема, живой компьютер...

– Но он же подключился к поискам убийцы дочери! – возразила я. – Я так понимаю, что деньги на оплату услуг частного детектива вам выделил тоже он?

– Разумеется, – кивнула Ангелина. – Где бы я нашла такую сумму? Слава богу, что у меня остались кое-какие накопления с былых времен, дорогие вещи, некоторые из которых пришлось продать. Это позволяло нам с Жанной не бедствовать. И то, что она жила и питалась в учебном центре, за который платил отец, существенно облегчало мое положение. Боже мой, вам, наверное, мои слова кажутся такими циничными! – воскликнула вдруг она.

– Вовсе нет, – успокоила я ее.

Мне стало многое понятно. Например, гардероб Ангелины, выглядевший очень престижно несколько лет назад: все это было куплено еще в те времена, когда она благополуч-

но жила с мужем. Оставшись без него, эта не очень-то практичная и приспособленная к жизни женщина была вынуждена довольствоваться остатками былой роскоши. Впрочем, не настолько уж она беспомощна и непрактична, если решительно настроилась нанять частного детектива и сама пришла ко мне. Пусть даже платит за это ее бывший супруг.

– Вы виделись с Романом после убийства Жанны? – спросила я.

– Да, я позвонила ему, и он приехал в клинику, – сказала Ангелина. – Там он поднял всех на уши, устроил разнос и заявил, что наймет своего частного детектива, чтобы тот во всем разобрался. И сказал, чтобы никто не смел препятствовать расследованию. В противном случае пообещал раздуть скандал в прессе и на телевидении. У него там есть знакомые. У него вообще полно знакомых среди так называемых нужных людей, даже в городской администрации. Он умеет находить связи, в отличие от меня, – усмехнулась она. – Все мои друзья – очень милые, интеллигентные люди, но, увы, абсолютно бесполезные в практическом смысле, хоть я их и очень люблю. А фамилия Романа хорошо известна в тарасовском деловом мире и имеет определенный вес. Одним словом, можете не беспокоиться: вам не станут совать палки в колеса. Думаю, что скандал не в интересах персонала клиники Асташова.

– Я тоже так думаю, – согласилась я.

– Так вы мне поможете?

– Постараюсь. – внутренне я уже приняла решение, что возьмусь за это не совсем обычное дело.

– Тогда вот, – обрадованно произнесла Ангелина, доставая из белой кожаной сумочки пачку денег. – Пересчитайте, этого хватит?

– Более чем, – кивнула я, убирая деньги. – Вы пока не уходите, я вам еще задам несколько вопросов. Можем поговорить по дороге, я вас подвезу.

– Вы собираетесь в клинику? – спросила Ангелина и, увидев, что я утвердительно кивнула, улыбнулась обрадованно.

Видимо, ей понравилось, что я вот так сразу подошла к делу, что называется, с наскока. Я же считала нецелесообразным терять время: посетить клинику нужно было сегодня, в день трагедии, и начать расследование по горячим следам.

– Я сейчас позвоню Роману, – торопливо проговорила Лина. – Скажу, что договорилась с вами и чтобы он тоже подъехал.

– Зачем? – уточнила я.

– Ну, во-первых, чтобы вас представить, – немного смущенно ответила Ангелина. – Роман сам так захотел.

– Понятно, – усмехнулась я. – Он хочет лично удостовериться, кому платит свои деньги. Что ж, он имеет на это полное право. А во-вторых?

– Во-вторых, он представит вас руководству клиники, – убедительно проговорила Ангелина. – Это вам же на руку! Роману никто не посмеет перечить!

Всемогущество незнакомого мне пока что Романа показалось мне несколько преувеличенным, но я не стала спорить с клиенткой и прошла в соседнюю комнату переодеться. Не став долго размышлять, я облачилась в серые джинсы и облегающий свитер цвета первой весенней зелени. Из зала до меня доносился приглушенный голос Ангелины:

– ...Да, думаю, минут через двадцать... Что? Через пятнадцать? Хорошо, я скажу... Что? У входа? Хорошо-хорошо, я все передам. Ага, пока...

Хмыкнув про себя и собрав волосы в хвост, я вернулась в зал и пригласила Ангелину на выход.

– Роман подъедет прямо к клинике через пятнадцать минут, – говорила Ангелина, пока мы спускались по лестнице. – Он просил ждать нас у входа, без него не входить...

Я никак не прокомментировала пожелания Романа. На улице, щелкнув пультом сигнализации, я открыла свой «Ситроен» и кивком пригласила Ангелину на переднее сиденье. Стрельцова окинула мою машину взглядом, в котором отразились как уважение, так и ностальгия по временам, когда, видимо, она сама ездила в дорогом автомобиле на правах хозяйки... Ну, если точнее, то жены хозяина, что для некоторых женщин гораздо приятнее...

Глава 2

Клиника Асташова находилась в тихом районе набережной и занимала довольно большую площадь. Дорога туда не заняла много времени – буквально через десять минут я подъезжала к массивным воротам, открывающим вход в медицинский городок. Хотя это, может быть, громко сказано.

Клиника состояла из огромного нового здания с многочисленными пристройками и хозблоками, к которому примыкал трехэтажный особняк начала века.

Я припарковала свой «Ситроен» рядом с серебристой «Ауди» и посмотрела на часы.

– Ну вот, мы добрались даже раньше вашего педантичного супруга, – с улыбкой заметила я.

– Роман появится буквально с минуты на минуту, он очень пунктуален и обязателен, – словно оправдываясь за своего бывшего, сказала Ангелина.

– Кстати, как его по отчеству? – спросила я. – Мне же нужно к нему обращаться!

– Роман Анатольевич, – сообщила Стрельцова, и я запомнила отчество бывшего мужа своей клиентки.

– Скажите, а с кем вообще дружила ваша дочь? – решила я потратить с пользой время ожидания.

– В клинике? – уточнила Ангелина.

– Ну почему обязательно в клинике? У нее ведь были дру-

зья-подруги до того, как она перебралась жить в местное общежитие?

– Да, у нее было много приятельниц, – согласно кивнула Стрельцова. – Но выделить какую-то одну подругу я бы не смогла... Видите ли, Жанна хоть и была очень коммуникабельной девочкой, все-таки при этом у нее был собственный мир, в который она никого не любила пускать. Понимаете? Вроде бы и открытый человек, но в то же время сама по себе.

– И все-таки? Кто составлял ее круг общения до поступления в медцентр? – спросила я.

– Ну, чаще других она общалась с Катей Михеевой, – наморщив лоб, сказала Ангелина. – Катя сейчас учится в юридическом, кажется, собирается замуж... У нее парень был давно, еще со школы.

– А у Жанны был парень? – задала я важный вопрос.

Лицо Ангелины несколько померкло.

– Нет, не было, – суховати ответила она.

– Вы мне сейчас правду говорите? – я пристально посмотрела ей в глаза.

Ангелина чуть помялась, затем твердо ответила:

– Да.

– И она ни с кем не рассталась случайно в недавнем прошлом? Знаете, как бывает в юности: вчера встречались – сегодня разбежались...

– Жанна была серьезной девочкой! – упрямо сказала Стрельцова. – У нее на первом месте была учеба!

– Угу, – кивнула я, не став выражать своего недоверия к такому нехарактерному положению вещей для молодой, активной и, по словам матери, весьма привлекательной девушки. Я решила, что поговорю на эту тему со сверстниками Жанны: наверняка они смогут дать мне более объективную и полезную информацию.

Тут в ворота клиники стремительно въехал черный джип «Тойота», плавно подрулил к корпусу и резко остановился. Из машины решительно вышел высокий, довольно крупный мужчина лет сорока, в черном пальто и уверенной походкой подошел к моей машине.

– Привет, – бросил он Ангелине, останавливая свой взгляд на мне.

– Здравствуй еще раз, Рома. – Ангелина поспешно принялась выбираться из машины.

Я поняла, что это и есть Роман Анатольевич Стрельцов, бывший супруг Ангелины и отец погибшей Жанны Стрельцовой. Он механически подал руку Ангелине, помогая выйти, при этом лицо его выражало лишь деловой интерес. Ко мне, разумеется, а не к супруге.

– Вот, Рома, это и есть частный детектив, о котором я тебе рассказывала, Татьяна Александровна Иванова, – заговорила Ангелина с какими-то, как мне показалось, заискивающими интонациями.

Я к тому моменту уже тоже вышла из машины и теперь стояла перед Стрельцовым во всей красе. Роман Анатолье-

вич, слегка нахмурившись, осмотрел меня с головы до ног. В его взгляде явно отразился скепсис.

– Роман Анатольевич, – тем не менее представился он.

Я просто кивнула, ожидая дальнейшей реакции, которая оказалась не очень-то приветливой.

– Вы что же, действительно рассчитываете раскрыть это дело? – насмешливо обратился он ко мне.

– Вообще-то раньше мне это всегда удавалось, – закусив удила, с легким вызовом ответила я.

– Я думал, что твоим частным детективом будет мужчина, – отвернувшись от меня к Ангелине, прямолинейно признался Стрельцов.

Та, оправдываясь, слегка развела руки, пытаясь что-то объяснить, но Роман Анатольевич продолжил:

– Прежде чем нанимать женщину, ты должна была посоветоваться со мной! Я бы мог найти своего человека!

Ангелина не нашлась, что ответить на это, и лишь беспомощно топталась на месте, не глядя ни на меня, ни на бывшего супруга. Стрельцов же обратился ко мне:

– Простите за прямоту, но я должен быть уверен в успехе расследования.

– Я вас понимаю, – ответила я. – В принципе, вы можете и отказаться от моих услуг. Только, пожалуйста, сразу, чтобы не морочить мне голову. Мое время стоит дорого, знаете ли, и мне не хотелось бы терять его попусту.

Я решила не церемониться с этим самоуверенным чело-

веком и сразу задать тон, чтобы показать свою цену. Стрельцов, услышав жесткие и решительные нотки в моем голосе, несколько сбавил напор и обратился ко мне уже мягче:

– А вы давно занимаетесь частным сыском?

– Больше десяти лет, ни одного провала, – по-деловому, словно разведчик, ответила я.

Затем молча достала из сумки свою лицензию и удостоверение и протянула Стрельцову.

– Можете позвонить в городское УВД полковнику Кирьянову или в Кировское подполковнику Мельникову, – добавила я, – и получить от них полную характеристику: с этими людьми мы сотрудничаем много лет.

В глазах человека такого склада, как Роман Стрельцов, подобные рекомендации были очень значимыми. Тот, выслушав мое представление, чуть нахмурил брови, продолжая смотреть на меня оценивающе. Я же, в свою очередь, выжидающе глядела на него. Взаимное переглядывание продолжалось с полминуты, и нарушить его решилась Ангелина Николаевна вежливым покашливанием.

– Хорошо, – выдохнул Стрельцов. – Не будем терять время, давайте поднимемся сразу к замглаврача. К сожалению, самого старика Асташова на месте нет, я узнавал: он в соседнем корпусе, в кардиологии. И сейчас всем заправляет его заместитель. Я звонил ему, он должен нас принять.

И, проговорив все это, он первым шагнул к высоким ступенькам, ведущим в здание. Ангелина уже не выглядела та-

кой заплаканной и казалась более спокойной, только губы ее были плотно сжаты.

Мы прошли в новый корпус. Я с интересом рассматривала здание. Мне не доводилось бывать здесь ни разу, но я была наслышана о клинике от своих знакомых. И пришла к выводу, что первый этаж ничем особым от других больниц не отличается, разве что здесь было более чисто, плюс евродизайн. Все втроем мы остановились перед дверью с табличкой «Заместитель главного врача Навицкий С.Ю.».

Стрельцов постучал и тут же толкнул дверь.

– Да, да, войдите, – приятный мягкий мужской голос прозвучал уже тогда, когда Стрельцов уверенно протискивался в кабинет.

Я невольно представила себе такого тихого, уже пожилого врача, спокойно дорабатывающего до пенсии. Оказавшись внутри, я отметила, как сильно ошиблась.

Сидевшему за массивным столом мужчине было не больше сорока. Темные волосы слегка подернуты сединой, которая придавала ему шарм солидности и благородства, карие глаза смотрели на всех нас спокойно и с вниманием. Увидев Стрельцова, он тут же встал и улыбнулся. Улыбка его была не то чтобы радостной и приветливой, но вежливой. И вообще от него исходили спокойствие и уверенность в себе. Но уверенность не та, что у Стрельцова, граничившая с хамской бесцеремонностью и осознанием собственной вседозволенности, а уверенность опытного профессионала.

– Рад, что вы пришли, – начал он. – А где же ваш человек, который... – Навицкий слегка замялся, подбирая слова, чтобы потактичнее выразиться.

Однако Ангелина Михайловна сама ему помогла:

– Я хочу представить вам Иванову Татьяну Александровну, она будет заниматься расследованием смерти Жанны. – последние слова дались ей совсем тяжело, и она замолчала, справляясь с подступившем к горлу комом.

– Вы? – мужчина посмотрел в мою сторону с удивлением, но это продолжалось лишь миг.

Выражение его лица вновь стало любезным.

– Сергей Юрьевич Навицкий, – представился он, галантно поклонившись мне.

– Я со своей стороны хочу попросить о том, чтобы Татьяне Александровне было оказано всяческое содействие в проведении расследования, – тяжелым броненосцем вклинившись в наш диалог, произнес Стрельцов. – Она будет держать меня в курсе того, как продвигается дело.

– Роман Анатольевич, – спокойно ответил Навицкий, – разве мы дали вам повод считать по-другому? Я же лично обещал вам, что весь персонал клиники окажет содействие в расследовании – как официальным органам, так и человеку, занимающемуся этим частным образом. Посильное, разумеется. Полагаю, вам не нужно, чтобы люди придумывали то, чего не было?

Стрельцов пару секунд молчал, потом коротко ответил:

– Нет. Мне нужна правда.

– Вот и отлично, тогда можете ни о чем не волноваться, – пожал плечами замглавврача.

Стрельцов тем временем протянул мне свою визитку и сказал:

– Ваш телефон мне известен, за информацией я вам буду звонить сам. Вы же звоните мне только по делу, если понадобится помощь, – я очень занят.

– Я вас понимаю, спасибо, – кивнула я.

– Ну что ж, я всем сказал все, что хотел, на этом свою миссию считаю законченной, – посмотрев на часы, заявил Стрельцов. – Дальше – уже ваша епархия, что называется.

– Без вопросов, – кивнула я.

И Роман Анатольевич, скороговоркой попрощавшись на ходу сразу со всеми, стремительно покинул кабинет Навицкого.

– О, – спохватился тем временем хозяин кабинета, – что же мы все стоим? Прошу, присаживайтесь.

Он вернулся на свое место за столом, а мы с Ангелиной разместились напротив в удобных креслах.

– Так вы действительно занимаетесь частными расследованиями? – удивление так и сквозило в его голосе, сколь бы ни пытался Навицкий его скрыть.

– Действительно, – коротко кивнула я.

– Может быть, кофе? – обратился он тем временем к Ангелине.

Мне показалось, что Навицкий слегка нервничает.

– Нет, спасибо, – встала Стрельцова, – я, пожалуй, вас оставлю. Я ведь уже сказала все, что хотела. Вы простите меня, пожалуйста, но я очень устала. Очень надеюсь, что у вас все получится. Татьяна, вы, пожалуйста, звоните мне как можно чаще, хорошо? – попросила она и, слегка усмехнувшись, добавила: – В отличие от Романа, я не столь занятой человек и буду ждать любых новостей.

Я заверила, что так и поступлю. Ангелина Николаевна вышла, и мы с Навицким остались вдвоем.

– Она уверена, – Навицкий кивнул на дверь, – что ее дочь убили. Я ее понимаю: это очень тяжело – потерять собственного ребенка, даже если он уже не малыш. У нее, по-моему, больше детей нет, и это еще больше усугубляет ситуацию. А отец, похоже, не сильно переживает. Расстроен, конечно, но больше думает головой. А она – сердцем. Что ж, это естественно для женщины-матери. М-да...

Он побарабанил пальцами по столу. Я не стала подключать собственные размышления на эту тему и постаралась поскорее перейти к делу.

– Сергей Юрьевич, а вы сами что думаете по поводу случившегося? – спросила я.

– Пока нет официального заключения о смерти, и я надеюсь, что это просто случайность, – развел руками Навицкий. – Кошмарная по своим последствиям, но все-таки случайность.

– Но случайность не могла произойти сама по себе, верно? – посмотрела я на него. – За нее кто-то отвечает?

Навицкий глубоко вздохнул и закатил глаза.

– Формально, конечно, ответственность несет клиника, – не очень довольный проговорил он. – Но вы же понимаете, что это вовсе не означает, что она виновата! Я же говорю – скорее всего, это нелепая случайность. Она может случиться в любом месте и в любое время.

– Случайность или халатность? – сощурилась я, прямо глядя на Навицкого.

Тот с трудом выдавил из себя любезную улыбку и рассмеялся деланным смехом.

– Вы непробиваемы, – покачал он головой.

– Просто я выполняю свою работу, – пожала я плечами. – Мне нужна истина, а не подтасовка фактов.

– Неужели вы считаете, что мы станем подтасовывать факты? – удивленно возрился он на меня. – Да боже нас упаси! Если потом это вскроется, репутации клиники будет нанесен еще больший удар, чем от этого... инцидента. Зачем нам обвинения в мошенничестве, подлоге? Я вам признаюсь честно: я не хочу лишиться клиентов. От них зависит мой заработок. Не хочу показаться циничным, но ведь врачи для того и существуют, чтобы лечить больных, верно? Как бы далеко ни шагнула медицина, люди, увы, будут болеть всегда. А мы призваны их лечить.

И он улыбнулся, теперь уже естественно, вновь возвраща-

ясь в свой обаятельный облик.

– А смерть студентки разве не нанесет удар вашей репутации? – спросила я. – Разве не может она отпугнуть клиентов? Этого вы не боитесь?

– Нет, – просто ответил Навицкий. – Это, конечно, неприятно, но опасаться тут нечего. В конце концов, это же смерть студентки, а не пациента. Хотя и от последнего никто не застрахован. И это вовсе не означает, что виноваты врачи. Люди умирают, это естественный процесс. Такое может произойти и в самой лучшей клинике, если человек обречен. Мы не боги, разумные люди должны это понимать.

– Хорошо, давайте оставим наши рассуждения и перейдем к конкретике, – предложила я. – Расскажите мне, пожалуйста, что вообще такое происходило на этих практических занятиях. Они что, всегда одинаковые?

– Конечно, нет, – отрицательно замотал головой замглавы врача. – Занятия проводятся регулярно, но темы разные. На этот раз практиковали взятие крови из вены. Это довольно простая процедура, но тем не менее обязательная.

– Все происходит под руководством преподавателя?

– Разумеется, – кивнул Навицкий. – Иначе и быть не может.

– Кто на этот раз осуществлял контроль?

– Главная медсестра. Она отвечает за все практические занятия. Или староста группы, но это в случае, если ее попросит Лилия Федоровна.

– Лилия Федоровна? Это и есть главная медсестра?

– Да.

– А необходимые инструменты готовятся заранее? Ну, шприц, бинты и что там еще нужно?

– Да, все готовится заранее, с вечера, чтобы ничего не забыть.

– И где все это хранится?

– В специальном шкафчике, в учебной комнате.

– Ясно. А где находится эта учебная комната? – методично продолжала я.

– В старом здании. Если вы хотите спросить, кто мог туда зайти, то сразу отвечу – любой, – Навицкий шпилеобразно сложил руки и посмотрел на меня пристальным взглядом. – Комнаты эти не запираются. Конечно, чужой человек вряд ли сможет туда зайти – в холле постоянно дежурит охранник. Вы уже были там? – кивнул он в сторону, указывая на старое здание.

– Нет, мы зашли сразу к вам, – ответила я.

– Я вас туда провожу, – пообещал он. – Можете все осмотреть, так сказать, на месте. Если вам нужно еще что-то осмотреть, можете смело это делать. Я распорядился, чтобы персонал оказывал вам всяческую помощь, но если вдруг возникнут какие-то препятствия, не стесняйтесь, обращайтесь напрямую ко мне.

Он дружелюбно посмотрел мне в глаза.

– С чего вдруг такая любезность? – усмехнулась я.

– С того, что я сам заинтересован в том, чтобы ваша работа поскорее закончилась, – прямо произнес он, пристально глядя на меня. – Не в обиду вам будет сказано – чисто по-человечески я бы с удовольствием продлил общение с такой милой и неординарной женщиной, как вы. Но я в первую очередь профессионал, меня волнует, чтобы больница функционировала в обычном режиме и ничто не отвлекало персонал именно от лечения больных. А пока длится ваше исследование, волей-неволей будешь сталкиваться с шушуканьем, слухами, пересудами, перешептываниями... От этого никуда не денешься, это естественно. А работа отодвинется на задний план, дело пострадает. К тому же коллектив у нас в основном женский, а женщины ведь любят сплетничать, верно? – улыбнулся он, заговорщицки подмигнув мне.

– Верно, – улыбнулась в ответ я. – А мужчины так просто обожают.

– А вам палец в рот не клади, Татьяна, – рассмеялся Навицкий.

– А вы и не кладите, – вздохнула я. – У меня к вам еще несколько вопросов. Значит, вы на занятиях не присутствовали и момента смерти Жанны не видели? А тело ее вы осматривали? Неужели действительно ничего нельзя было сделать? Все-таки это случилось в стенах клиники!

– Давайте я буду отвечать по порядку, – чуть приподнял кисть Навицкий. – На занятиях я действительно не присутствовал – это и не требовалось, – но когда произошла эта тра-

гедия, Лилия Федоровна в первую очередь послала за мной. Но я не успел... Когда я прибежал в учебную комнату, сердце уже остановилось. Промывание желудка было уже бесполезно делать. Хотя при отравлении порой можно успеть принять меры и спасти больного. Промыть желудок, дать противоядие... Но это если доза была не смертельной. Здесь же, я полагаю, иной случай. Все произошло очень быстро.

Я кивнула в знак того, что поняла.

– Вы знали Жанну Стрельцову лично?

– Знал, – ответил Навицкий. – Милая девушка.

– Халатность вы отрицаете, а версию об убийстве?

Навицкий поморщился:

– Очень вряд ли. Милиция, к примеру, считает, что это самоубийство.

– А что, у Жанны Стрельцовой были основания для этого? – в упор посмотрела я на него.

– Если и были, то мне об этом ничего не известно, – признался Навицкий. – Об этом вам лучше поговорить с ее подругами. И с родителями.

– Ее мать считает, что у Жанны все было очень благополучно и ей не из-за чего было расставаться с жизнью, – сообщила я.

Навицкий лишь неопределенно повел плечами.

– Я врач, Татьяна, – заметил он. – А не следователь.

И невзначай посмотрел на часы.

– Хорошо. – я поняла намек и поднялась. – Только про-

водите меня, пожалуйста, в соседний корпус, как обещали.

– Охотно! – тут же встал с кресла Навицкий. – Я даже познакомлю вас с секретаршей нашего главврача. Очень полезная должность.

– Для главврача? – с усмешкой уточнила я.

– В данном случае для вас, – посмеиваясь, ответил Навицкий и, поймав мой недоуменный взгляд, пояснил: – Дело в том, что наша Риточка принадлежит к типу женщин, которые все про всех знают. Для вас это просто кладезь информации. Правда, придется все правильно рассортировать и откинуть процентов восемьдесят того мусора, который она на вас вывалит. Но ведь на то вы и профессионал, чтобы отделять котлеты от мух, верно? Так что обязательно с ней побеседуйте.

– Спасибо за сотрудничество, – поблагодарила я.

– Я же говорил, что заинтересован в скорейшем завершении расследования не меньше вас, – запирая кабинет, сказал Навицкий. – Прошу!

Он сделал широкий жест, приглашая меня пройти вперед, сам же вышагивал чуть поодаль. Я смотрела на него и думала, что Навицкий наверняка весьма популярен среди женской части клиники. Он привлекателен, добродушен, с чувством юмора... Наверное, не одна студентка теряла голову от его обаяния... Интересно, как он сам к этому относится? Но спрашивать об этом напрямую Навицкого я, естественно, не стала.

– Я бы не сказала, что ваша клиника чем-то особым отличается от других, – оглядываясь по сторонам, заметила я.

– Это первый этаж, – поморщился Сергей Юрьевич, – он для «скорых».

– Что это значит?

– Сюда принимаются больные, по каким-то причинам не принятые в другие клиники – ну, например, если у них нет мест или нужных приборов. Их привозят на «скорой». Мы не имеем права отказать, если, конечно, у нас у самих в данный момент есть места. Второй этаж – это для так называемых средних слоев, а на третьем – палаты люкс. Там все на самом высшем уровне.

– Лечение, видимо, очень дорогое?

– Да, но и самое качественное. По наличию современных медикаментов и дорогостоящей аппаратуры мы не уступаем частным клиникам Запада, – с гордостью отметил Навицкий.

Мы поднялись на второй этаж и по переходу, соединяющему новое и старое здания, перешли в учебный корпус, сразу оказавшись на втором этаже. Там царили тишина и покой.

– Идут занятия, – отметил Сергей.

– А что там, внизу? – спросила я.

– Там жилое помещение и столовая. Там живут студенты.

– Кстати, о проживании. Это что, обязательное условие?

– Нет, но в основном все студенты очень рады тому, что можно пожить вне дома. Условия здесь очень хорошие. Я попрошу секретаршу Риту, чтобы она показала вам комнату

Жанны.

В это время мы подошли к кабинету директора. Из открытой двери доносился голос:

– Да вы не волнуйтесь, Константин Владимирович, я все сделаю. Нет, у нас все в порядке... Нет, никаких больше происшествий... Да. Выздоровливайте. До свидания.

Навицкий толкнул дверь, и мы прошли внутрь. Сидевшая за столом высокая девушка с короткой стильной стрижкой только что положила трубку телефона. Она подняла голову и застыла, увидев на пороге нас с Навицким. Мне показалось, что на лице ее было написано смятение, но девушка тут же взяла себя в руки, вскочила из-за стола, улыбнулась самой очаровательной улыбкой и прощбетала:

– Добрый день, Сергей Юрьевич!

– Риточка, привет, – приветливо начал Сергей Юрьевич. – Какие новости?

– Асташов звонил, – со вздохом сообщила Рита. – Уже несколько раз. Переживает...

Навицкий покивал.

– Познакомься, это Татьяна, – представил он меня тем временем, – она занимается расследованием смерти Жанны. А это Рита Костромина, наша с Константином Владимировичем незаменимая помощница.

И, заметив удивленный взгляд Риты, тут же пояснил:

– Мать Жанны наняла частного детектива, так что, пожалуйста, помоги ей. И проводи в комнату Жанны. Вообще,

покажи, все, что она захочет. Ну что, дамы? Дальше сами разберетесь?

Навицкий ободряюще подмигнул нам обеим, и Рита интенсивно закивала в знак согласия. Она прошла по кабинету, соблазнительно вильнув бедрами, обтянутыми короткой красной юбкой.

– Тогда я вас оставляю, а то мне сегодня еще и дежурить, – сказал Сергей Юрьевич, снова бросив взгляд на дорогие наручные часы, и, озабоченно покачав головой, покинул кабинет.

– Может быть, кофе? – предложила тем временем Рита.

– Пожалуй, я не откажусь, – согласилась я, памятуя о характеристике, данной Навицким секретарше главврача, и о его совете.

Рита занялась приготовлением, а я обвела взглядом кабинет.

«Ничего примечательного, – мельком отметила я, – ничего такого, что могло бы хоть что-то рассказать о хозяйке. Обычный офисный стол, такой же стул. Никаких фотографий, популярных в наше время «напоминалок» и прочих финтифлюшек. Сплошной минимализм».

Удивило меня лишь отсутствие компьютера, который уже стал неотъемлемой частью любого российского офиса, независимо от сферы деятельности той или иной фирмы. Или руководство клиники считало, что секретарше он ни к чему? Что в ее функции не входит владение системой Windows и

что ей не стоит тратить рабочее время на игрушки, которые, как известно, затягивают многих офисных работников.

– Пожалуйста, – прервала мои мысли Рита, ставя дымящуюся чашку на стол.

– Спасибо, – улыбнулась я, – пахнет очень вкусно.

– Я люблю кофе, – просто сообщила Рита. – На курсах секретарей нас специально обучали его варить разными способами.

– Вы неплохо овладели этим мастерством, – польстила я.

– Так что вы хотели узнать? Спрашивайте, – выжидательно посмотрела на меня секретарша. – Я готова рассказать вам все, что знаю.

– В общем-то, меня интересует многое, – призналась я. – С кем Жанна дружила и с кем не дружила. С кем делилась секретами, чем жила, в каких отношениях была с педагогами и однокурсниками – словом, что она была за человек.

Рита кивнула и, сделав глоток кофе, немного подумала.

– Жанна была обычной, – медленно начала она и тут же помотала головой, поправившись: – Нет, она все-таки была как раз необычной.

– Это как понимать? – уточнила я.

– Вы спросили, с кем она дружила? Я вам отвечу – да со всеми абсолютно и в то же время ни с кем. Она умела поддерживать хорошие отношения, даже если ей человек и был неприятен. Сколько раз я замечала, что, разговаривая, она улыбается, а как только отходит от человека... лицо делает

такое, как будто лимон целиком съела без сахара. С кем не дружила? – Рита пожала плечами. – Таких, по-моему, просто не было. Я уже говорила, что она поддерживала хорошие отношения абсолютно со всеми. Но ее не любили.

– Почему? – подивилась я.

– Она была... Как бы это сказать... – Рита даже щелкнула пальцами, подбирая слово. – Вредная, что ли. Она очень ловко всегда подмечала за всеми какие-то мелкие недостатки или погрешности, а потом очень вовремя их использовала. Знаете ли, в нашем заведении, несмотря на то что учатся здесь в основном за немалые деньги, существуют достаточно жесткие правила. Нельзя курить в помещении, нельзя опаздывать на занятия, нельзя флиртовать с больными, а уж тем более заводить с ними романы. Ну, и так далее. За наркотики выгоняют сразу, не церемонясь. Жанна все это замечала.

– Что, среди студентов процветает наркомания? – еще больше удивилась я.

– Ну нет, нет! – махнула рукой Рита. – До такого, конечно, не доходит. Я просто в смысле, что если бы подобные факты были замечены, то уличенные «преступники» вылетели бы с треском. Но Жанна замечала другие погрешности и умело использовала свою осведомленность.

– Она что, шантажировала своих одноклассников? – прямо спросила я.

– Не совсем. – Рита чуть улыбнулась и приподняла указательный палец. – Она не шантажировала в прямом смысле

этого слова, ей не нужны были деньги или еще что-то. Она просто упивалась тем, что она ЗНАЕТ и может рассказать. И, таким образом, имела власть над людьми. Знаете, это очень неприятно...

Рита чуть оживилась и покраснела, а я отметила про себя, что, похоже, секретаршу заведующего Жанна тоже охватила своим «шантажом». Только вот как? Рита же здесь не учится, и на нее эти правила не распространяются.

– А откуда берутся так называемые «больные»? – напомнила я свой вопрос. – Ну, студенты, которые выполняют пассивную роль пациентов на практических занятиях?

– Обычно они назначаются дня за три. Проблем особых с этим никогда не возникало. Студенты знают, что им обязательно придется через это пройти, так что никто обычно не возражал. Список составляет староста группы. Потом он заверяется. Обычно его подписать должны главврач, главная медсестра и ректор. Никто, конечно, особо не смотрит на содержание. Скорее это формальность. Но в данном случае вместо Жанны Стрельцовой должна была быть другая студентка – Света Малаева. Но вечером она заболела, и поэтому пришлось срочно вносить замену. Я это знаю просто потому, что сама подписывала листок назначения.

– То есть? – я начала лихорадочно соображать. – Выходит, этот шприц был предназначен для Светы?

– Не знаю, – равнодушно пожала плечами Рита. – Если он вообще кому-то был предназначен. Ведь не установлено, что

она погибла именно из-за шприца! Пока, во всяком случае...

– А Света? Она сейчас где? С ней можно поговорить? – забросала я вопросами секретаршу.

– Не думаю, – ответила Рита. – Она сейчас в изоляторе, болеет, у нее самый настоящий грипп.

– И что, с ней даже нельзя пообщаться? Я не боюсь заразиться, – заверила я.

– Вы знаете, давайте завтра. Мне нужно договориться – просто так вас в изолятор не пустят, – не глядя на меня, быстро проговорила Рита.

– Хорошо, – не совсем поняв причину задержки, согласилась я. – А в комнату к Жанне зайти можно?

– Да, пойдемте, я покажу, – с готовностью откликнулась Рита. – Милиция ее сначала опечатала, но потом приходили родители Жанны и пломбу сняли. Они забрали кое-какие вещи.

Мы прошли по коридору и по широкой железной лестнице спустились на первый этаж. При нашем появлении в холле откуда-то сразу же появился охранник: высокий, довольно молодой парень с весьма умным выражением лица. Увидев Риту, он приветливо кивнул и с интересом посмотрел на меня.

– Знакомьтесь, это Андрей. А это – Татьяна Александровна, – представила нас Рита друг другу.

И добавила, обращаясь к Андрею:

– Татьяна теперь часто будет здесь появляться, так что ты

ее пропускай.

Андрей кивнул, но во взгляде оставался вопрос.

– Она расследует смерть Жанны, – пояснила Рита.

– Да, – теперь уже уважительно посмотрел он на меня, – красивая была девчонка...

– Нам сюда, – указала Рита на дверь сбоку. – Здесь и находится так называемое общежитие. Название, правда, условное, так как на обычную общагу это никак не походит.

Рита открыла дверь, и я остановилась на пороге, слегка пораженная увиденным. Да, на обычную общагу это никак не смахивало...

Мы оказались в просторном и довольно длинном коридоре с дверями по разные стороны. Около каждой комнаты висел светильник в виде свечи – это создавало ощущение некоторой таинственности. Рита подвела меня к одной из дверей, с номером пять, и в задумчивости остановилась.

– Все-таки не верится, что ее больше нет, – вдруг проговорила она, отпирая замок.

– Рита, – на пороге окликнула ее я, пристально глядя на девушку, – а вы ведь тоже ее не любили. За что?

– Я ее просто не любила, и все. Проходите, – сухо ответила секретарша.

Я уже заходила в комнату.

– Да, – не смогла я скрыть удивления, – в таких апартаментах в восемнадцать лет и я бы осталась не задумываясь. Какие уж тут родители!

Комната была небольшая, но очень уютная, а интерьер выполнен в авангардистском стиле.

– Дизайн везде разный, – с гордостью отметила Рита. – Жанна выбрала такой.

Письменный стол, компьютер, стул и полка для учебников над ним – это был уголок для занятий. Кроме этого, присутствовал еще диванчик, два кресла, торшер, журнальный столик и небольшая стенка. В другой комнатке, поменьше, стояли кровать и шкаф.

– Там ванная, туалет и что-то типа кухни, – кивнула Рита в сторону. – Там можно приготовить кофе или чай.

– А если вдруг есть захочешь?

– В этом же крыле есть столовая и буфет. Так что проблем не возникает.

Я огляделась вокруг и, обойдя обе комнаты, ничего интересного для себя не обнаружила. Хотелось сделать свой независимый вывод о хозяйке, но в комнатах было почти пусто. Родители, наверное, уже забрали все. На столе сиротливо лежала перевернутая рамка для фотографий. Я подняла ее и поставила на стол. С карточки смотрела довольно симпатичная молодая девушка, с пышной копной рыжеватых волос и вздернутым носом, стоявшая в обнимку с парнем. В глазах девушки читался вызов.

– Это кто? – спросила я у Риты, показывая на парня. – Девушка, я так понимаю, и есть Жанна?

– Да, а это Дима Коростылев, они учатся вместе. Он был

в нее влюблен.

– А она?

– Не знаю, – пожала плечами Рита. – Говорят же, что в любви один любит, а другой позволяет любить.

– То есть Жанна позволяла?

– Похоже, что так, хотя откуда я могу знать точно?

Я покосилась в ее сторону. И мне показалось, что Рита как раз все знает, но почему-то не говорит.

– Похоже, родители Жанны не особо его жаловали, если фотографию не забрали? – спросила я.

Рита равнодушно пожала плечами.

– Может быть, просто забыли, – предположила она.

– Сейчас все на занятиях? – уточнила я. – Я не смогу ни с кем поговорить из девочек?

– Да, все на занятиях, – подтвердила Рита. – Сегодня вообще неудачный день. В том смысле, что очень заполненный. Занятия до трех, а потом все практикуются в клинике. Кстати...

Рита внезапно застыла на месте.

– Что? – поторопила ее я.

– Жанна очень некорректно обращалась с больными, – как-то жестко сказала Рита. – На нее даже один из клиентов написал жалобу. Он лежал в люксе, а она грубо с ним обошлась. Этот поступок обсуждался у директора. Не знаю даже, почему ее оставили, не отчислили...

Мы уже вышли в коридор и медленно шли к выходу.

– Рита, у меня к вам еще одна просьба, – обратилась я к Костроминой. – Мне необходимо повидать вашего директора, Константина Владимировича Асташова. Кстати, как он себя чувствует?

– Слава богу, инфаркта нет, – с искренним, как мне показалось, облегчением произнесла Рита. – Но кардиологи сказали, что подержат его с недельку. Все-таки ему уже семьдесят четыре года!

– Так вы поможете мне к нему пройти? – напомнила я о своей просьбе.

– Что ж, пойдемте, – пожала плечами Рита. – Я поговорю с лечащим врачом. Только не понимаю, что вам может сообщить Константин Владимирович.

И Рита повела меня в кардиологическое отделение. Оно, честно говоря, напомнило мне скорее помещение какого-то отеля весьма высокого уровня. Да, клиника Асташова отличалась не только современной аппаратурой и дорогостоящими медикаментами, но и обстановкой, и интерьером. Видимо, дорогостоящие услуги оправдывали себя...

Мы подошли к двери с надписью «Ординаторская», и Рита скрылась за ней, попросив меня подождать. Вскоре она появилась вместе с полноватой блондинкой средних лет, одетой в зеленый брючный костюм.

– Это Наталья Дмитриевна, лечащий врач Константина Владимировича, – сообщила Рита. – Я передала ей вашу просьбу.

Я перевела взгляд на круглое, миловидное лицо блондинки.

– Ой, честно говоря, не хотелось бы мне этой беседы! – качая головой, произнесла она. – Опять разволнуется Константин Владимирович! Но если Сергей Юрьевич попросил, тогда конечно. Пойдемте.

Я посмотрела на Риту, думая, что она захочет присутствовать при разговоре. Однако секретарша неожиданно сказала, покосившись на часы:

– Ну что, думаю, я больше не нужна вам? Тогда я вас оставлю. Сергей Юрьевич скоро будет звонить, а я еще ничего не сделала.

– Конечно, идите, я дальше сама разберусь, – сказала я. – Вы только не забудьте насчет Светы. Завтра с утра я зайду к вам.

– Заходите, я не забуду. Обязательно договорюсь, – завершила Рита.

Я шла за Натальей Дмитриевной по коридору и размышляла о секретарше Рите. Впечатления от знакомства, как мне показалось, у нас с ней были разные. Мне все больше не нравилась Рита. А та, в свою очередь, похоже, была рада, что хоть на некоторое время избавилась от меня. Я почему-то была уверена, что она меня обманула: никаких срочных дел у нее не было...

Наконец мы с Натальей Дмитриевной остановились возле люксовой палаты, и врач шепотом сказала мне:

– Подождите минутку, я предупрежу его. Может быть, он еще сам не захочет никаких бесед.

И она проскользнула внутрь. Мне же оставалось надеяться, что Константин Владимирович окажется покладистым человеком. Через несколько секунд Наталья Дмитриевна вышла и кивком головы успокоила меня, добавив:

– Все в порядке, заходите. Только прошу вас: недолго. И постарайтесь не задавать слишком волнующих вопросов, хорошо?

Я кивнула, хотя не до конца понимала, что в представлении Натальи Дмитриевны может именоваться «слишком волнующими вопросами». Толкнув дверь, я тихонько прошла к кровати, на которой лежал доктор Асташов, и осторожно присела на стул рядом с ней. Константин Владимирович смотрел на меня умными, светлыми голубыми глазами с чуть заметной смешинкой на дне. Он выглядел, признаться, весьма неплохо для семидесяти четырех лет, даже невзирая на сердечный приступ.

– Добрый день, Константин Владимирович, – шепотом произнесла я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.